

УДК 001.38; 316.77

DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-2-37-43

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ НАУКИ: ПУТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Жарков Евгений Александрович – кандидат философских наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 3; e-mail: flash45@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1962-1806

Обсуждается проблематика символической власти науки и научного знания, актуализированная дискуссионной статьёй С.В. Шибаршиной. Выражается согласие с позицией автора и ряда зарубежных исследователей насчёт неполноты современных моделей научной коммуникации, которая проявляется в недостаточной концептуализации политически-властной функции науки. Рассматриваются кейсы, демонстрирующие проявления символической власти науки. Первый кейс касается включения в коммуникационное поле «наука↔общество» своеобразного вненаучного контекста («замысел Бога»), играющего определённую медийную роль при издании научно-популярных книг С. Хокинга. Второй кейс связан с символическим влиянием действий и поступков известного российского математика Г.Я. Перельмана, а также с особенностями восприятия его достижений учёными и обществом. При рассмотрении данного кейса используются материалы документального биографического фильма режиссёра М. Михеева. Утверждается, что с позиции обычного человека образ Перельмана воспринимается как своеобразный символ чистого познания и иллюстрирует известную контрверзу науки как призвания и профессии. Подчёркивается, что, с одной стороны, среди трёх известных подходов к научной коммуникации обсуждаемые кейсы в наибольшей степени относятся к дефицитной модели, поскольку ключевая роль в них принадлежит высказываниям или действиям учёных. С другой стороны, апелляция к подобной модели всё-таки оказывается недостаточной, в силу самой сложности онтологии символической власти науки, проявляющейся в облики «языковой игры» в многоакторном пространстве (С.В. Шибаршина).

Ключевые слова: популяризация, научная коммуникация, С. Хокинг, Г.Я. Перельман, научный акционизм

Цитирование: Жарков Е.А. Символическая власть науки: пути идентификации // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. № 2. С. 37-43. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-2-37-43

Рукопись получена: 26 апреля 2024

Пересмотрена: 22 мая 2024

Принята: 24 мая 2024

THE SYMBOLIC POWER OF SCIENCE: WAYS OF IDENTIFICATION

Evgeniy A. Zharkov – PhD in Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation;
e-mail: flash45@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1962-1806

This paper discusses the problems of the symbolic power of science and scientific knowledge, emphasized in a discussion article by S.V. Shibarshina. The author agrees with the position of hers and a number of other researchers regarding the incompleteness of modern models of science communication, expressed in the insufficient conceptualization of the political power function of science. Situational cases aimed at epistemological explication of possible manifestations of the symbolic power of science are considered. The first case concerns inclusion in the communication between science and society” of a peculiar extra-scientific context (“God’s plan”), which plays a certain media role in the practice of publishing popular science books by S. Hawking. The second case concerns the symbolic influence of the actions and deeds of the famous Russian mathematician G.Ya. Perelman, related to the peculiarities of the perception of his achievements by scientists and society. The materials of the documentary biographical film directed by M. Mikhreev are used in the consideration of this case. The author argues that it is from the perspective of an ordinary person that the image of Perelman acts as a kind of symbol of pure knowledge, sharpening in the face of society the well-known counter-examination of science as a vocation and profession. It is emphasized that, on the one hand, in the context of three well-known approaches to scientific communication, the cases discussed relate most to the deficit model, since the key role in the relevant process belongs to the statements or actions of scientists. On the other hand, an appeal to such a model turns out to be insufficient, due to the very complexity of the ontology of the symbolic power of science, manifested in the guise of a “language game” in a multi-actor space (S.V. Shibarshina).

Keywords: popularization, scientific communication, S. Hawking, G.Ya. Perelman, scientific actionism

How to cite: Zharkov, E.A. (2024). The symbolic power of science: ways of identification. *The Digital Scholar: Philosopher’s Lab*, 7 (2): 37-43. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-2-37-43 (In Russian).

Received: 26 April 2024

Revised: 22 May 2024

Accepted: 24 May 2024

Примечательной особенностью статьи С.В. Шибаршиной, нацеленной в широком смысле на анализ взаимодействия науки и общества, является привлечение к рассмотрению проблемы таких глубоких в философском и культурном аспектах понятий, как игра и символ. В этой связи возникает ряд весьма непростых вопросов. В чём заключается смысл представления о познании как игре? Каковы возможные правила этой игры и кому принадлежат привилегии в их установлении, переопределении? В чём состоят отличия действительной власти научного знания и учёных от их символической власти?

После ознакомления с текстом статьи складывается впечатление, что автор солидарен с высказываниями С. Фуллера, Б. Фейнриха, Н. Штера, Д. А. Шойфеле об особенностях публичной научной коммуникации в современном мире. В свою очередь, мы считаем важным, во-первых, согласиться с замечанием Светланы Викторовны относительно утверждения Шойфеле о том, что «публичная научная коммуникация происходит не в социально-политическом вакууме, что не всегда учитывается в рамках существующих моделей научной коммуникации». Данные модели «не учитывают более широкий социально-экономико-политический контекст публичной научной коммуникации, в котором происходят взаимодействия между наукой и обществом» (Шибаршина, 2024, с. 39). И, во-вторых, мы присоединяемся к мнению Шойфеле относительно того, что необходимо включить политическую научную коммуникацию в общепринятую схему моделей научной коммуникации, нацеленных, в частности, на разрешение вопроса о том, каким образом те или иные научные проблемы представляются публике (Там же, с. 39).

На наш взгляд, последний вопрос обретает особенно важную роль в рамках проблематики символической власти науки. И, думается, соответствующее предметное поле оказывается здесь гораздо шире, чем при анализе ситуаций постистины, характерных для таких современных проблем, как климат, экология, применение вакцин. Далее мы обратимся к ряду примеров, чтобы продемонстрировать различные смысловые грани символической власти науки и научного знания.

Как известно, в популяризации науки существует проблема, связанная с созданием определённого нарратива, промежуточного языка, трансформирующего сложное научное знание в понятное и удобоваримое популярное знание³. В этой связи заметим, что претендовать на роль эффективных публичных научных коммуникаторов могут учёные, достигшие значительных успехов как в самой науке, так и в демонстрации её результатов широкому кругу акторов. Удачным примером здесь является астрофизик С. Хокинг, который опубликовал ряд научно-популярных книг, ставших бест-

³ Эта проблематика нашла отражение в работах отечественных философов. См. напр.: (Масланов, 2023).

селлерами; среди них, в частности, есть и его автобиография (Хокинг, 2014).

В автобиографии известный физик описывает некоторые сюжеты, связанные с изданием его научно-популярных произведений. В частности, он приводит фрагмент краткой рецензии на книгу «От Большого взрыва до чёрных дыр: короткая история времени», помещённой на обложке одного из печатных изданий. Прочитав этот фрагмент: «Ответ, который предлагается Хокингом, состоит в том, что Вселенная не создана и никогда не уничтожится – она просто есть. Чтобы выразить эту мысль, Хокинг вводит концепцию мнимого времени, которую я (то есть рецензент) несколько затрудняюсь понять. Тем не менее, если Хокинг прав и мы действительно найдём полную объединённую теорию, то мы поистине поймём замысел Бога. (На стадии корректуры я чуть было не убрал из книги последнюю фразу о том, что мы поймём замысел Бога. Сделай я это, продажи упали бы наполовину)» (Хокинг, 2014, с. 103-104). Это уточнение в скобках принадлежит самому С. Хокингу.

Обратим внимание, какую примечательную роль в приведённом фрагменте играет словосочетание «замысел Бога». Что это – рекламная уловка, удачный риторический конструктор или отражение некоторой истины? В философском смысле, если трактовать цель науки как написание «Книги Природы», понимание «замысла Бога» может означать расшифровку идей Божественного Разума. Естественно, таким глубоким эпистемическим пониманием целей науки обладают только очень продвинутые читатели, число которых, вероятно, не столь уж велико среди всех потенциальных покупателей книг Хокинга.

Вместе с тем своеобразное идейное влияние конструкта «замысел Бога» вполне может быть охарактеризовано как проявление символической власти. П. Бурдьё писал: «Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов» (Бурдьё, 2007, с. 84). Естественно, обычный человек в силу своего образования, интеллектуальной культуры, религиозной принадлежности может по-разному воспринимать апелляцию к соответствующему замыслу. Существенный момент здесь касается именно экспликации власти над умами со стороны научного знания. Изменив в ироническом смысле название статьи Светланы Викторовны, можно сказать, что популярная наука ради достижения своих целей «берёт в сообщники» Бога. Однако здесь проявляется и обратный, «несциентистский», эффект, поскольку научные идеи и теории репрезентируются в некотором смысле как символы величия Божественного Разума. Таким образом, популяризация науки, т. е. один из способов выражения её публичности, показывает, что символическая власть современного научного знания «затрагивает» и иные формы взаимодействия человека с реальностью⁴.

⁴ Или, в классической формулировке, «формы общественного познания».

По схожим причинам интересен анализ действий учёных в связи с публичными перипетиями вокруг их идей и открытий. Естественно, в рамках настоящей работы мы не можем обстоятельно проанализировать подобную тематику, но, тем не менее, попытаемся затронуть некоторые вопросы, используя, как мы надеемся, достаточно яркий кейс.

В начале XXI столетия мировую славу получил российский математик Григорий Яковлевич Перельман, доказавший теорему Пуанкаре – одну из семи задач тысячелетия. Как известно, общественный резонанс вызвали не его труды или математические рассуждения, т. е. не собственно научная деятельность, а отказ от получения престижной премии и выражение жёсткого критического отношения к современной институционализированной науке в целом. Внимание привлёк и его отшельнический образ жизни. Имя Перельмана проникло в популярную культуру – в частности, в тексты песен некоторых исполнителей. Таким образом, фигура учёного обрела своеобразную публичность, хотя сам он к коммуникации интереса не проявлял, а наоборот, всячески её избегал.

Что символизирует характер поступков гениального математика? Можно ли утверждать, что его позиция⁵ являлась попыткой выразить какую-либо истину? По нашему мнению, для конструктивного ответа на эти вопросы целесообразно выделить две группы акторов, способных реагировать на поступки Перельмана. Во-первых, это сообщество учёных, как коллег по цеху, и, вообще говоря, не только математиков. В данном контексте представляют интерес сюжеты биографии учёного и высказывания людей, знающих Перельмана лично или взаимодействовавших с ним в различные периоды времени. Во-вторых, это обычные люди и общество в целом.

Некоторые подробности жизненного пути выдающегося математика отражены в документальном фильме М. Михеева «Иноходец. Урок Перельмана» (2011 г.). Один из интервьюируемых, математик Дж. Морган⁶, комментируя отказ учёного от престижной награды, высказал мнение, что «никаким другим способом Перельман не смог бы привлечь больше внимания к себе, математике и гипотезе Пуанкаре, как именно своим поведением». Действительно, подобного рода «научный акционизм» способен придать учёному гораздо больше публичности, чем если бы он написал непревзойдённый научно-популярный шедевр.

Также в фильме значительное внимание уделяется истории становления Перельмана как учёного-математика. Существенно то, что он не является «человеком ниоткуда». По-видимому, вполне справедливо утверждать, что в его случае имеет место сочетание врождённой гениальности с основательной подготовкой и высокой

⁵ По отношению к общественному признанию и восприятию своих открытий.

⁶ На момент выхода фильма – директор математического центра университета Стоуни-Брук (США).

математической культурой, приобретённой благодаря качественному образованию. Он учился в специализированной школе, занимался в математическом центре, участвовал в олимпиадах. В метафорическом смысле, Перельман в той или иной степени – это продукт институционализированной системы образования и науки. В этой связи интересно отметить, что один из интервьюируемых критически отнёсся к отшельнической позиции учёного. По его мнению, Перельман не совсем справедливо поступает по отношению к научно-педагогическому сообществу в целом, поскольку когда-то представители данного сообщества внесли вклад в его формирование как исследователя, и он, в свою очередь, мог бы отплатить той же монетой.

Мы полагаем, в контексте символической власти науки наиболее важными представляются особенности восприятия действий Перельмана со стороны обычного человека и общества. Как известно, один из атрибутов престижной премии – денежное вознаграждение, а деньги так или иначе интересуют очень многих людей, и современных учёных в том числе. В этом отношении Перельман выступил в роли героя-одиночки – своеобразного символа «чистого познания», поставившего перед обществом известную контрверзу науки как призвания и профессии (М. Вебер). Думается, фигура Перельмана представляет значительный интерес в свете одного из новых эпистемологических направлений – экзистенциальной философии науки (Касавин, Порус, 2023). В этой связи актуален и следующий вопрос: не является ли позиция Перельмана, желающего пребывать в возведённой им самим «башне из слоновой кости», следствием определённых состояний его сознания?

С одной стороны, если рассматривать три известные модели научной коммуникации, то обсуждаемые нами кейсы (С. Хокинга и Г.Я. Перельмана) относятся, скорее, к модели дефицита, поскольку в них прямого, обоюдного диалога с человеком и обществом не наблюдается, а доминирующая роль принадлежит высказываниям и действиям учёных. С другой стороны, возникает ощущение, что этот вывод вряд ли следует считать исчерпывающим, а апелляция лишь к дефициту представляется недостаточной. Однако чересчур смело было бы говорить в данном случае об актуализации нового типа научной коммуникации. На наш взгляд, это обусловлено самой онтологией символической власти науки: её осмысление не укладывается в известную схему типов научной коммуникации. В этой связи согласимся со Светланой Викторовной – в том, что общество оказывается вовлечённым в сложную и многоакторную «языковую игру». Именно в подобном пространстве и проявляет себя символическая власть науки.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Бурдьё, 2007 – *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Пер. с франц.; ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Касавин, Порус, 2023 – *Касавин И.Т., Порус В.Н.* Философия науки: экзистенциальный поворот // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 4. С. 7-21.

Масланов, 2023 – *Масланов Е.В.* Зоны обмена и пограничные объекты: к типологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. №. 1. С. 159-170.

Хокинг, 2014 – *Хокинг С.* Моя краткая история / Пер. с англ. А. Сергеев. СПб.: Амфора, 2014. 134 с.

Шибаршина, 2024 – *Шибаршина С.В.* Когда наука берётся в «сообщники»: к проблеме символической власти научного знания // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 1. № 2. С. 20-29.

References

Bourdieu, P. (2007). *Sociology of Social Space*. Aletheia Publ. (In Russian)

Hawking, S. (2014). *My Brief History*. Amfora Publ. (In Russian)

Kasavin, I.T., Porus, V.N. (2023). Philosophy of science: an existential turn. *Epistemology and Philosophy of Science*, 60 (4), 7-21. (In Russian)

Maslanov, E.V. (2023). Trading zones and boundary objects: to the typology. *Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 39 (1), 159-170. (In Russian)

Shibarshina, S.V. (2024). When science is made an “accomplice”: the symbolic power of scientific and expert knowledge. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 1 (2), 20-29. (In Russian)